
Математический мир

Лазарь Аронович Люстерник и его стихи

В. М. Тихомиров

Лазарь Аронович Люстерник (1899–1981) был выдающимся математиком, одним из плеяды московских математиков, начинавших творческую жизнь в конце десятых — начале двадцатых годов прошлого века. Он принадлежал ко второму поколению учеников Николая Николаевича Лузина, в которое входили еще Нина Карловна Бари и Михаил Алексеевич Лаврентьев.

Лазарь Аронович был глубоко и разносторонне талантливым человеком. Прежде всего, разумеется, в математике, где им были получены многочисленные фундаментальные результаты.¹⁾ Но помимо математической одаренности, Лазарь Аронович замечательно владел словом и пером, был великолепным рассказчиком, автором интересных воспоминаний о молодости московской математической школы.

Лазарь Аронович был большим знатоком поэзии и сам любил одаривать друзей и знакомых своими стихами, в которых всегда присутствовали легкость и веселость. Он был мастером застольной беседы, и в памяти современников сохранились многие его экспромты, передаваемые из уст в уста. Следующую эпиграмму Люстерника мне довелось слышать неоднократно.

Дело происходило в Казани, в 1942 году. Часто случается так, что в какой-то организационной структуре очень важную роль играют люди, ведающие хозяйственной частью. В ту пору в администрации Академии наук СССР (которая эвакуировалась в Казань) какой-то видный хозяйственный пост занимал человек, которого звали Ной Соломонович Гозенпуд. Ему Лазарь Аронович посвятил такие строки:

¹⁾ Вкладу Люстерника в теорию экстремума посвящена моя статья в пятом томе «Математического просвещения» за 2001 г.

Я высокой чести удостоен.
 Не забыть торжественных минут:
 Я предстал сегодня перед Ноем
 Соломоновичем Гозенпуд.

У меня до сих пор в ушах стоит crescendo в исполнении П. С. Александрова: «Я предстал сегодня **перед НОЕМ**. . . »

А вот как описывает Л. А. Люстерник свое вхождение в лузинский математический мир, в круг математиков, известный под именем Лузитании:

Суровый двадцать первый год,
 В научный двинулись поход. . .
 Московский университет. . .
 Хотя я пока и очень молод,
 Хотя в полушубок я одет,
 Но. . . брр. . . Какой собачий холод. . .
 Каток в пустынном коридоре,
 Горячие здесь только споры.

Примкнул с доверием безумным
 Я к группе молодой и шумной.
 Презрев классический анализ,
 Здесь современным увлекались.
 Пусть твой багаж не очень грузен —
 Вперед! В себе уверен будь!
 Великий бог — профессор Лузин —
 Укажет нам в науке путь!

А далее вместе с учеником Д. Ф. Егорова Иваном Ивановичем Приваловым, примкнувшим к лузинскому направлению, выразительно характеризуются четверо из пятерых лузинских учеников первого поколения (не упомянут Михаил Яковлевич Суслин, скончавшийся в 1919 году):

А божество уж окружало созвездие полубогов:
 Иван Иванович Привалов,
 Димитр Евгеньевич Меньшов,
 И Александров остро взвинчен,
 И милый Павлик Урысон,
 И философствующий Хинчин
 И несколько других персон.

И далее:

Дни легендарной Лузитании,
 Дни увлечений и исканий. . .

Мы в Лузина все влюблены,
К нему ревнуем мы друг друга.
Блеснуть хоть маленькой должны
Математической заслугой.
Я вспоминаю: каждый раз
Волнение тебя охватит,
Когда придешь в урочный час
В его квартиру на Арбате.

Очень рекомендую прочесть воспоминания Люстерника о молодости московской математической школы, опубликованные в журнале «Успехи математических наук», в томе XX, №3 за 1965 год и томе XXII №№1, 2 и 4 за 1967 год (откуда я позаимствовал строки его стихов).

Увы, все прекрасное когда-нибудь кончается. Вот как об этом сказал Лазарь Аронович:

А дальше все как будто просто —
Процесс естественного роста,
Тематика все расширялась,
Своей дорогой каждый шел —
И школа Лузина распалась
На ряд блестящих новых школ.

Из песни слова не выкинешь. Далее идут строчки:

Но был мучительно тяжелым
Процесс распада этой школы.

В вихре безумного времени — в середине тридцатых годов — некоторые ученики Лузина вели себя по отношению к нему недостойно.

Но не буду беречь старые раны. Никто из верных учеников Лузина не бросил камня в Люстерника. Через год после смерти Лузина вышел том, в котором были собраны работы Лузина по метрической теории функций. В этом томе Лазарь Аронович (который никогда не развивал лужинские темы) вместе с Ниной Карловной Бари, самой преданной ученицей Лузина, написал обзор лужинского творчества в этой ветви теории функций. Это можно воспринимать как покаяние.

* * * * *

Весной 2007 года супруга Марка Иосифовича Вишика — ученика и близкого друга Лазаря Ароновича — Ася Моисеевна познакомила меня с басней, написанной Л. А. Люстерником, по-видимому, где-то в середине шестидесятых годов. При этом было выражено пожелание, чтобы эта басня была опубликована. Редколлегия «Математического просвещения» предоставила место для опубликования, а я счел за благо привести еще некоторые строки из поэтического наследия замечательного человека —

Лазаря Ароновича Люстерника. А в качестве комментария современника событий, живо и точно описываемых в басне, я считаю долгом памяти заметить, что *именно второму* из двух ее героев мы обязаны тому, что писать подобные сочинения, не опасаясь за собственную жизнь, вообще оказалось возможным.

БАСНЯ

Л. А. ЛЮСТЕРНИК

Правителем в одном лесном массиве
Был мудрый Лев, жестокий и спесивый.
Зверье — от волка до певучей птахи —
Все жили в почитании и страхе.

Шли годы, и, состарясь, одряхлев,
Навек почил наш величайший Лев.
В последний путь владыку проводив,
Ждал нового вождя лесной массив.

Так, после шумных драк и бурных споров,
В правители был избран Боров.
И начал он с того, что влезши на пенек,
Покойного изматерил и вдоль, и поперек
В своей пространной речи.

Что будто Лев, от власти опьянев,
Не одного убил и покалечил,
Что будто все звериные заслуги
Себе присваивал, себя лишь восхвалял,
Что запустил дела во всей округе,
Что вообще он плохо управлял.

Стал Боров наводить порядки:
Объездил лес и дальние посадки,
Собрал затем он всю зверячью молодежь
И бросил клич: «А ну-ка все на желудь!»

И звери, угодить ему дабы,
В лесу сажали лишь дубы.

Признаться надо, кроме желудей,
Правитель много выдвигал идей.
И хоть от них бывало мало толку,
«Ура!» ему кричали без умолку.

Зазнался постепенно толстый Боров,
Чуть ли не львиный проявляя норы.
С Лисой, министром иностранных дел,
Он не считался, слушать не хотел.

Медведь финансами ворочал, дело знал,
Но слишком часто на него ворчал —
Медведя вон! И так конца не видно...

К тому же стало всем обидно,
Что самая паршивая свинья
Считалася других умней и даровитей,
И норовила быть вершителем событий
Лишь потому, что Борову родня.

И вот, собравшись духом как-то раз,
Все сильные того лесного края
Изгнали Борова в запас.
И власть окончилась свиная.

Рядили эту новость вкривь и вкось
В самом лесу и за его пределом.
Прижать свиней — оно святое дело,
А то их, право, много развелось.

Но кто же твердо может поручиться,
Что вновь история не повторится,
Что новый власть имущий, осмелев,
Не рыкнет грозно, как покойный Лев,
Что он, как Боров вдруг не хрюкнет,
Когда ему седьмой десяток стукнет.

У этой басни нет морали:
Мораль давно перемарали.